

• СОДЕРЖАНИЕ •

Анна и Сергей Литвиновы
САНТА-КЛАУС ДЛЯ ХУЛИГАНКИ
7

Татьяна Устинова
НА ПОРОГЕ
40

Евгения Михайлова
РЫЖИК
45

Наталия Антонова
НОВОГОДНИЙ БАЛ
88

Янина Корбут
ПП, ИЛИ ПОДВИЖНЫЙ ПОКОЙНИК
170

Елена Гордина
КОРПОРАТИВ С УБИЙСТВОМ
236

Альбина Нури
НОВОГОДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ
300

АННА и СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВЫ

• САНТА-КЛАУС ДЛЯ ХУЛИГАНКИ •

Новый год ворвался в столицу, накрыл разноцветьем фейерверков. За стенкой с громким хлопком открыли очередное шампанское, засмеялись. За окном — веселье, парочки счастливые целуются, подвыпившая компания вокруг елки хоровод водит. И только Ксюша — одна. В чужой, неприятной комнате.

Она, конечно, тоже загадала под бой курантов желание.

Хочу стать первой.

Но сейчас смотрела в зеркало на себя — некрасивую. Нескладную. В одежках с чужого плеча. И понимала: чуда не случится. Опять она останется последней. Как всегда в ее жизни и случалось.

* * *

Баба Рая жила в двухкомнатной квартире. Девочка Ксюша — этажом ниже. Родители у нее выпивали, часто скандалили, и тогда баба Рая сту-

чала по батарее или вызывала полицию. Но чаще просто давала возможность маленькой Ксюше отсидеться у себя дома, пережить семейную бурю.

Девочка у нее и ночевала иногда, и наряды ей старуха к праздникам покупала — отец-то с матерью в обноски одевали.

Талантами Ксюша не блистала, и методики развивающие, сколько баба Рая ни пробовала, на нее не действовали. Но иногда удавалось чем-то зацепить.

Пересиживала как-то Ксюша у соседки очередную семейную ссору. Баба Рая хлопотала на кухне, ребенка оставила в гостиной перед телевизором. Закончила с супом, заходит — та сидит зареванная. Перепугалась, кинулась:

— Детонька, что случилось?

А у госты на коленях — раскрытая книга. Потрепанный томик Ахматовой. Слезы на пожелтые страницы капаят.

— Баб-Рай, — прошептала, — это так красиво...

И, всхлипывая, голосок прерывается, прочла:

*Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Усмехнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».*

Читала (хоть и двенадцать лет исполнилось) неуверенно, запинаясь, монотонно. Но баба Рая вдруг отчетливо представила: отчаяние, непогоду,

одинокость брошенной женщины. И пробормотала:

— Ксюша. Да тебе в артистки надо!

Слезки мгновенно высохли, девочка глупо хихикнула:

— Я ведь некрасивая, баб-Рай!

— Ты необычная. В кино это называется фактурная. И читаешь так, что за душу берет.

— Но я запинаюсь!

— То и удивительно: вроде бубнишь, но атмосферу все равно создаешь. Это от бога.

— Не, глупости. Какая из меня актриса! — Вздохнула печально. — Я в школе хотела в театральный кружок, не взяли. Сказали, потому что учусь плохо и матом ругаюсь.

Но баба Рая открыла телефонный справочник и стала обзванивать творческие студии. В одной из них велели: выучить басню, приходите на просмотр.

Ксюша сначала загорелась, но когда стали вместе читать Лафонтена, Крылова — быстро скисла. Ворчала: «Нудятина!»

И, сколько ни бились, назубок выучить не получилось — память у Ксюши плохая. На прослушивании совсем занервничала, тарабанила — лишь бы не ошибиться. Вальяжный, седовласый руководитель не прерывал, но морщился. А когда девочка отмучилась, приговорил:

— Можно, конечно, пробовать. Но на мой профессиональный взгляд, толку не будет.

Ксюша сразу сникла, ссутулилась. Мэтр снисходительно продолжал:

— Слишком зажата. И неубедительна. Если только на платной основе...

— Я готова! — вскинулась баба Рая.

Но девочка сердито выкрикнула:

— Да пошел он, индюк напыщенный!

И кинулась прочь.

— Сразу видно *породу*, — иронически молвил ей в спину вальяжный театрал.

— Нельзя так с ребенком, — рассердилась баба Рая.

И тоже ушла.

Ходить на прослушивания в другие места обиженная Ксюша категорически отказалась. Но попыток приобщить ее к прекрасному баба Рая не оставляла. Искала на «Культуре» хорошие фильмы. Девчонка зевала, норовила переключить канал на музыку или происшествия. Но иногда застывала, глядя на пронзительную Грейс Келли, и баба Рая тогда сразу начинала рассказывать, что великую актрису и супругу князя Монако собственные родители считали гадким утенком, а вместо ролей в кино она долго получала только контракты на съемки в рекламе пива, сигарет и пылесосов.

Ксюша грустно вздыхала:

— Да куда мне! У нее вон, глаза какие красивые! И отец миллионер...

Баба Рая пыталась влиять на родителей Ксюши. В редкие моменты, когда те находились в трезвости, объясняла: дочка у них талантливая, необычная. Ее учить надо.

Но мать отмахивалась:

— Какой талант, одни тройки в школе. Пусть работать идет, сколько лет кормили ее, дармоедку.

А отец назидательно говорил:

— Удумали чего, в театр! Актриска должна манкой быть, с дьявольщинкой. А Ксюха наша — ни рожи, ни кожи.

Баба Рая сердилась:

— Не понимаете вы ничего.

И продолжала мечтать, что маленькая ее протеже станет актрисой.

Узнала: в театральные вузы на результаты по математике не смотрят — только русский с литературой надо. И, как могла, готовила Ксюшу. Диктанты заставляла писать, Лермонтова читала вслух.

Беда в том, что в талант свой девочка не верила, да и учиться не любила. Каждый раз приходилось выбирать «прикольные» отрывки, а за сочинения сулить призы — мороженое или шоколадку. Но на слабенькие «четверки» гуманитарные науки кое-как вытягивали.

А когда Ксюше исполнилось семнадцать, связалась она с дурной компанией, и школа совсем

стала побоку. Уроки прогуливала. Курила во дворе с подозрительными парнями, обнимала страшных-кожаных на заднем сиденье мотоциклов. Но с бабой Раей всегда паинька, в магазин для нее ходила, убирать помогала.

Школу закончила еле-еле. Про институт теперь даже речи не было — устроилась в палатку рядом с домом.

...Родная дочка бабы Раи давно выросла, вышла замуж, жила отдельно. Зять работал в полиции и больше всех беспокоился из-за странной дружбы тещи с девочкой из нехорошей семьи. Постоянно зудел жене:

— Обнесут у твоей матери квартиру. Или еще что похуже.

— Да что ребенок может сделать?

— Она уже не ребенок. Восемнадцать лет. Работает торгашкой, общается с подонками. Сколько дел уголовных было, когда жильё оттяпывали, а стариков убивали.

— Да ладно тебе. Нормальная девчонка, только запущенная. И мать мою любит, никогда зла ей не сделает.

— Ну, может, топором рубить и не станет. Хитрей поступит. Квартира ведь Раисе Степановне принадлежит? Вот и подумай. Ты надеешься, что единственная наследница? А по закону обязательную долю только инвалиды имеют, так что тебе не положено. Напишет мать завещание на эту Ксюшу — и все, улетит жилплощадь, ничего не поделаешь.

— Брось. Не будет мама чужому человеку квартиру отписывать.

— Пистолет наставят — что угодно подпишет.

На мозги капал постоянно, так что дочь бабы Раи реально забеспокоилась. Прав муж, может плохо кончиться. Девушка курит, выпивает, вечно в окружении парней подозрительных. На матерых уголовников не тянули, но по мелочи явно проблемы с законом имели. Ксюша тоже наверняка подворовывает. В том числе и у ее матери. А подслеповатая старуха, небось, и не замечает, что деньги у нее исчезают.

Велела бабе Рае деньги ее пенсионные обязательно контролировать и расходы записывать.

Старуха дочери послушалась, в конце месяца показала отчет. Дебет с кредитом вроде сходился. Но две тысячи восемьсот рублей «Ксюше на шапочку зимнюю» и ей же тысячу пятьсот «в долг до зарплаты» дочке бабы-Раиной решительно не понравились.

И она придумала, как Ксюшу от матери своей отвадить.

У бабы Раи как раз надвигался юбилей. Двадцать второго декабря — восемьдесят лет.

По идее, банкет бы надо в ресторане, родню созвать, подружек материных, кто еще жив. Но в заведениях в это время — корпоративы предновогодние, цены подсакивают вдвое. С пенсии старухиной точно не погуляешь, а самим платить не с чего, времена нынче сложные.

Баба Рая успокаивала:

— Да зачем нам рестораны? Дома посидим.

Но тоже ведь морока: продукты закупать, готовить, потом посуду мыть.

— Ничего, я Ксюшу позову на подмогу.

— А она вообще к тебе часто приходит? — словно бы между делом спросила дочь.

— Нет, — вздохнула тетя Рая, — все у нее дела какие-то. Но на день рождения, конечно, придет.

— Позови и сейчас. Чаю вместе попьем.

— Ты ведь не любишь ее, — взглянула проницательно мать.

— Так я по делу. Попросим, чтобы с готовкой помогла. По-соседски.

Позвонили беспутной соседке. Ксюша быстро явилась. Юбка коротюсенькая, рожа намазанная. Старуха расплылась в улыбке:

— Птенчик мой прилетел!

Дочь еще больше насупилась — мыслимое ли дело, к юной шалаве — ласковой, чем к человеку родному.

Но уселись все вместе за стол. Попросили девчонку, чтобы накануне юбилея пришла, подсобила.

— Ясен перец, заявлюсь! — хохотнула та. — Будем салаттики строгать и шампусик квасить, чтобы не скучно, да, баб-Рай?

Дочка тети Раи неодобрительно скривилась — что за манеры.

Ксюша перехватила ее осуждающий взгляд и вдруг ангельским голоском попросила:

— Баб-Рай, а можно мне ваши фотоальбомчики посмотреть?

— Да ты видела все сколько раз!

— Еще хочу. Жалко вам, что ли?

— Ну, пойди в залу, погляди.

Какой изумительный момент!

Девчонка — одна! — отправилась в комнату.

Дочь бабы Раи прошипела:

— Сопрет что-нибудь.

— Брось, — отмахнулась старуха. — Она у меня никогда не возьмет.

— Посмотрим, — зловеще усмехнулась дочь.

Резко отворила дверь в залу — и увидела: Ксюша из альбома фотографию вытаскивает.

— Ты что творишь? — напустилась на нее дочь бабы Раи.

А девица глазами хлопает:

— Ничего.

— Как это ничего? Я видела: ты фотографию вытащила!

— Не брала я!

— Давай, посмотрим.

Подскочила, стала листать альбом — действительно, одной карточки нет.

— Ты вытащила?

— Нет!

— Да я видела!

Баба Рая тоже подошла, сказала растерянно: 15

— Правда нету. Ксюшенька, это моя любимая фотография. Зачем тебе она?

Но девчонка зло топнула ногой:

— Не брала я ничего! И нечего тут туфту гнать!

Вся красная от злости, кинулась в коридор, из квартиры вон. Шваркнула входной дверью.

Дочь дождалась, пока по лестнице отгремели шаги. И сладким голосом говорит бабе Рае:

— Ты по-прежнему свои деньги похоронные дома держишь?

— Конечно. Банкам доверия нет.

— А прячешь где?

— В большой комнате.

— Ксюша твоя там одна была. Пойди проверь: деньги-то на месте?

— Ой, ну что ты говоришь!

— Посмотри, посмотри.

Баба Рая неохотно отправилась в комнату. Открыла книжный шкаф. Достала томик Достоевского. Раскрыла. Побледнела и схватилась за сердце. Прошептала:

— Как она могла...

Дочке прямо жаль ее стало.

Зато Ксюша теперь точно в их квартиру больше не придет.

* * *

Ксюша выскочила из квартиры. Сердце колотилось молотом. До чего противно, когда хочешь хорошее дело сделать, а тебя за воровку принимают!

Она давно чувствовала: родственники бабы Раи ее ненавидят.

Дочка — та только рожу кривила. А вот муженек — легавый — реально подставить может. Давно глядит волком. Недавно остановил Ксюшу во дворе. Смерил холодным взглядом. Прощедил:

— В квартире *нашей* чтобы больше не околачивалась!

Она, понятно, взорвалась:

— Я не к вам хожу, а к бабе Рае!

Мужик нехорошо прищурился:

— Девочка, ты с огнем играешь. Хочешь, чтоб порошочек белый в кармашке нашли? По двести двадцать восьмой прогуляться, годков эдак на пять?

Про статью за наркотики она знала — дружок нынешний по ней как раз пятилетку отмотал. А зять баб-Раин продолжает давить:

— У нас в полиции как? На человека смотрят, на его облик моральный. Ты с контингентом общаешься нехорошим. Даже разбираться не будут — закроют на полную катушку.

Мужика она тогда, конечно, послала. И к бабе Рае продолжала ходить. Кто он вообще такой, чтоб пугать?

Но сейчас совсем нехорошо получилось. Она ведь действительно фотографию украла. Надо было, конечно, объяснить, зачем взяла. Но когда орут — оправдываться неохота.

И настолько вдруг стало обидно, беспросветно, тяжело. Что у нее за жизнь! Дома — пьянство сплошное. На работе, в палатке, — тоска и от начальства придирки. Бойфренд нынешний — вечно обкуренный. Город родной — болото. А баб-Рая, единственный человек, к кому прикипела, теперь тоже ее за воровку приняла.

«Не хочу больше здесь оставаться», — прошипела сквозь зубы.

И замерла.

А кто, собственно, ей мешает — разом со всем покончить?

* * *

Как считалось у них в городе и учил писатель Чехов (его рассказы читали вместе с бабой Раей), бежать всегда надо в Москву.

Ксюша умчалась на ночном поезде, в плацкарте. Денег с собой — смешные несколько тысяч, знакомых в столице никаких. И что там делать, как устраиваться — совсем непонятно. Город, все говорили, жесткий и очень дорогой. Гостиница, народ в вагоне болтал, — от штуки в сутки, причем за самую поганую. Но можно устроиться в общагу, или, по-столичному, хостел.

Ксюша лежала на верхней полке, устала, оставила нос в окно. Снаружи — чернота, в стекла бьет то ли дождь, то ли снег. Декабрь, самый, по идее, домашний и праздничный месяц. А она едет неизвестно куда, на день рождения бабы Раи не по-

падет, и Новый год ей тоже встречать — негде и не с кем.

На станциях (когда появлялся Интернет) искала, где преклонить голову. Выбрала самый дешевый хостел, триста в сутки за общий номер. На первое время денег ей хватит, но надо срочно на работу устраиваться. Баба Рая когда-то подсказала красивый план. Пойти гардеробщицей, но не абы куда, а в институт творческий или в театр. И режиссерам улыбаться — авось кто приметит.

Идея дурацкая, но вакансии гардеробщиц Ксюша тоже посмотрела. И место в театре нашла. Только зарплату предлагали — семь тысяч. Даже на общежитие не хватит. Так что лучше в дворники — они хотя бы тридцатку получают.

В хостел (расположился в ближайшем пригороде, на обочине шоссе) добиралась долго и входила с опаской. Явно за такие деньги окажется шалман. Но хотя снаружи выглядело здание весьма зловеще, внутренности оказались приличные. Свежий ремонт, кулер с бесплатной водой, кухня чистенькая. Елочку в общем холле уже поставили.

В комнатах каждая кровать отделена занавеской. Соседками оказались трое таджичек и тощая, рыжеволосая девица примерно Ксюшиных лет — эта сразу кинулась с расспросами:

— Откуда? Что делать здесь будешь?

Город родной Ксюша, на всякий пожарный, назвала другой. А по поводу планов честно ответила:

— Вообще понятия не имею.

— Пойдем со мной на съемки тогда! — жизнерадостно предложила новая знакомая.

Вот это любопытный поворот.

— Ты актриса?!

— Актрисы в хостелах не живут. Я зритель. Но тоже сгодится на первое время.

Ксюша с удивлением узнала: оказывается, в Москве и такая профессия есть. Ходить на съемки телепередач, с умным видом слушать, как гости обсуждают разные глупости, по команде администратора хлопать. А вечером получать гонорар.

— И сколько платят?

— На первом канале и по два косаря бывает. Но я пока только на Ютуб попадаю. Там по пятьсот.

В ларьке за двенадцать часов платили тысячу, но за те деньги постоянно колготиться, материальную ответственность нести. А тут пятьсот — просто за то, чтоб посидеть в тепле.

Ксюша решила попробовать. Сходила в гладильную, привела в порядок одежду. Нарядилась, накрутилась. И администратор на съемках ее даже в первый ряд посадил.

— С ходу карьеру делаешь! — кисло улыбнулась рыженькая (ей досталось место во втором).

Первые пару часов Ксюша с восторгом наблюдала, как по студии перемещаются камеры, внимательно слушала, о чем говорят гости, бурно, по знаку администратора, аплодировала. К обеду начала клевать носом, к окончанию съемок сидела совсем без сил. Еды зрителям не полагалось, подружка новая купила себе в торговом автомате шоколадку с кофе, но Ксюше показалось жаль тратить на глупости половину дневной зарплаты, так что в животе противно подсасывало. Но в целом — работа непыльная.

Так что подписалась на все ресурсы, где набирали зрителей, и уже на следующий день снова на съемки отправилась.

В этот раз на программу «Великий-могучий». Здесь школьники соревновались, кто лучше русский с литературой знает, и Ксюше это показалось куда интереснее, чем наблюдать за скучными взрослыми дебатами.

В третьем туре речь пошла про всякие историзмы, архаизмы и прочие редкие слова. Остальные зрители прятали зевки, она слушала с интересом. Вспоминала, как с бабой Раей Лермонтова читали и старуха ей объясняла, кто такие абреки и из чего чихирь делают.

А после того как соревнования между участниками завершились, ведущий объявил конкурс для зрителей. Пообещал приз (книгу новогодних рассказов) и спросил:

— Что означает слово «раструб»?

Толстый дядька (по виду сантехник) вскинул руку, возвестил радостно:

— Труба канализационная!

— Интересная версия. Отвечу цитатой из «Записок охотника» Тургенева. Одет он был в пестрый архалук и серые панталоны с огромными раструбами, — парировал телевизионщик. — Трубы, что ли, канализационные таскал на себе?

Зрители захихикали. Ксюша, в радостном предвкушении, тоже вызвалась отвечать. А когда получила микрофон, зачитала по памяти из еще одной баб-Раиной книги:

*Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы.
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?*

Будто про нее написала поэтесса Цветаева. Она ведь тоже, в свои восемнадцать, себя старухой чувствовала. Одинокой и бесприютной.

Все три студийные камеры обратились на нее. Студию накрыло молчание.

Ксюша смущенно улыбнулась, стряхнула с себя наваждение. Сказала:

— Я, когда прочитала, подумала, что раструбы — типа, блески такие. Но потом специально посмотрела в словаре Ожегова: раструб — это расширение в виде воронки. Видно, фасон

у платья такой. С подолом и рукавами-трубами.

— Как звать вас, образованная и милая девушка? — тепло улыбнулся ведущий.

У Ксюши фамилия — такая же, как она сама. Обычная, безликая. Но сейчас, в свете софитов, при всеобщем внимании произносить ее не хотелось. Так что вспомнила добрую бабу Раю и с достоинством отозвалась:

— Ксения. Ксения Раевская.

* * *

Ксюшу могла бы сейчас разыскивать полиция всей страны. Однако писать заявление баба Рая категорически отказалась:

— Пусть совесть для нее худшим наказанием станет.

— Нету у таких совести, — пробурчала дочь.

Но чтоб делу дать официальный ход — не настаивала.

Причины имелись веские.

Когда мать прилегла вздремнуть, дочка перетряхнула все книги, обнаружила в томике Достоевского купюры. Да и забрала похоронную заначку себе. Рассуждала: родную кровь никто не заподозрит, а вот Ксюше оправдаться окажется очень сложно.

Муж, когда узнал, осудил:

— Что-то ты через край хватила.

Она огрызнулась:

— Сам говорил: от девчонки избавиться надо. Разве плохо придумано? Все улики против нее: в комнате одна была. Фотографию сперла на наших глазах. Нахамила.

— Для уголовного дела не хватит, — нахмурился супруг. — Так что деньги верни. В другую книгу переложи. А то сама за кражу пойдешь.

И через пару дней сам позвонил теще. Подсказал: посмотреть не в Достоевском, где обычно прятала, а в книжке рядом. Там и нашлись, все до стольника.

— Вот память проклятая, — страдала старуха. — Сама забыла, а на Ксюшу подумала!

Попыталась девушку найти.

Но родители сказали: в Москву сбежала и сгинула, знать о себе не дает. Телефон заблокирован — видно, симку сменила.

Баба Рая ходила в парк, где Ксюшины дружки собирались. Те про нее тоже не ведали, но предположили: уехала куда-то проституткой работать.

Старуха совсем расстроилась. Юбилей на носу, а настроения совсем никакого. Резала — сама — салаты, слезы смахивала.

...Когда в день рождения в дверь позвонили, бросилась радостно. Надеялась: Ксюша приехала. Или хоть весточку прислала.

На пороге действительно стоял почтальон.

Но послание оказалось совсем от постороннего человека.

* * *

Про столичные нравы Ксюша наслышана. Поэтому, когда после съемок к ней подошел красавец-ведущий, сладко улыбнулся и позвал на кастинг, сразу напряглась. Хмыкнула:

— Где кастинг-то? У вас в сауне?

Он улыбнулся:

— Ты не замужем, я надеюсь?

— В наложницы не пойду, — отрезала.

— Ты им точно понравишься.

И рассказал: на Центральном канале сейчас девушек в новое реалити-шоу набирают.

— У тебя интересный типаж, советую сходить.

— А про что шоу? — заинтересовалась.

— Названия пока нет. Суть в том, что лучшую невесту России хотят найти. Прямой эфир, программа сразу после Нового года пойдет, по выпуску в день.

Ксюша развеселилась:

— Я, конечно, в лучшие невесты страны первый кандидат.

Вспомнила, как отец прикладывал, повторила:

— Ни рожи, ни кожи.

От себя добавила:

— И живу в хостеле.

— Значит, точно сходи. Не победишь — хоть перекантуешься. Участниц в хорошем отеле селят. Стилисты, парикмахеры, педагоги по хорошим манерам. Чего теряешь — просто попробовать?

— А с подругой можно?

— Да хоть с десятком. Вот телефон, звони.

* * *

Рыженькая ее соседка по комнате подошла к мероприятию со всей серьезностью. Каблуки, прическа, маникюр. Ксюша в успех не верила и забивать себе голову не стала — отправилась в джинсах.

По какому принципу отбирают, редактор программы не сказал, поэтому новая подруга пугала:

— Хороша ты будешь в кедах и худи жалком, если по подиуму заставят ходить!

— Меня еще до подиума отсеют, — усмехнулась Ксюша.

Заполняла анкету — уже приуныла. Образование — среднее, на сплошные тройки. Никаких тебе танцевальных, музыкальных и прочих школ. Спортивные разряды отсутствуют, ни в каких других конкурсах не побеждала и даже не участвовала.

Когда вызвали на собеседование, вошла вразвалочку. Перед комиссией (пять человек важных-строгих) робеть не стала.

— Опиши себя в трех словах, — попросили.

— Плевала на всех. Хотя сорян. «На» — неполноценное слово, предлог. Тогда: «категорически плевала на всех».

Отборщики переглянулись. Но сразу вон не послали. Спросили:

— Крылова в школе учила?

— Не, в школе нет. Но про волка с ягненком

Вспомнила, как когда-то запинаясь, бубнила перед противным деятелем культуры, и сейчас решила не тушеваться. Когда забывала слова, придумывала от себя:

— Как смеешь ты своим... дурацким, мерзким, рылом... здесь... водку! чистую мою мутить с песком и илом! За дерзость такову... я в лоскуты порву!

— Спасибо. — Остановили.

И тут уж отправили вон.

А на следующее утро позвонили:

— Вы прошли. Приезжайте заключать договор.

Рыженькая подруга (ее не взяли) рвала и метала:

— Ксюха, ну ничего себе! Какая из тебя невеста?!

— Да мне и не надо это! Зато в отеле приличном поживу на халяву!

Неплохой вариант, чтобы в праздничные дни в хостеле не сидеть.

Заселяться надо было двадцать пятого декабря. До Нового года подготовка — а потом, со второго января, на всю страну греметь. В прямом эфире.

Ксюша не ожидала, насколько все круто в телевизионном мире. Мало того что гостиницу хорошую оплачивали, еду в ресторане — еще приставили стилистов, визажистов, водили в огромные помещения, забитые одеждой, — наряды выбирать.

Наряжалыщики людьми оказались довольно приятными, искренне старались Ксюшин имидж облагородить. Она честно пробовала: примерять юбки ниже колена, скромные кофточки. Но смотрелась в зеркало, расстраивалась: не она это — в одежках, словно у школьной училки, с изысканным макияжем, волосами, завитыми в локоны. Будто волк в ягнячьей шкуре.

К счастью, окончательный выбор — по правилам реалити-шоу — оставался за участницей. Поэтому плюнула на советы стилистов. Выбрала для съемок джинсы, юбки короткие. У парикмахера потребовала: затылок выбрить, а пряди сверху в три разных цвета покрасить.

Редакторы пытались увещевать:

— Ты действительно в таком виде думаешь мужа найти?

Усмехалась:

— Кому надо, тот разглядит.

Про себя думала: хоть в перья павлиньи обрядись, никто ее все равно в жены взять не захочет.

Ни рожи, ни кожи. Не поет, не танцует, на языках иностранных не говорит. И даже готовить ее пьющая мама не научила.

* * *

К съемкам готовились, как всегда на телевидении, в режиме аврала. Выходной съемочной группе и конкурсанткам дали только на сам Новый год, а первого января после обеда всем снова к станку.

Остальные участницы упорхнули по домам и светским мероприятиям. Но Ксюше идти было некуда. Лучше одной в номере, чем встречать бой курантов в хостеле, под завистливым взглядом неудачливой ее соседки.

Купила себе маленькую бутылочку шампанского. Посмотрела телевизор. Под бой курантов загадала: чтобы в шоу победа.

Но когда Новый год наступил, посмотрела на себя в зеркало и поняла: бессмысленно несбыточное желать. В сравнении с прочими участницами — умницами и красотками — шансов у нее все равно нет.

* * *

Какими будут конкурсы, говорили только в день съемки. Ксюша, впрочем, понимала: какое задание ни дай, все равно она конкурентам проигрывает.

Так что веселее — просто прикалываться.

Она ведь хотела когда-то в актрисы — вот и попробуем. Как там тетя Рая говорила? Комическое амплуа.

На первом конкурсе — его снимали второго января — надо было изображать из себя светскую львицу. Вечернее платье, туфли парадные.

Ксюша ковылять на шпильках никогда не умела, но специально взгромоздилась на каблуки под пятнадцать сантиметров высотой. Шатало ее на них, словно пьяную. Да еще